

«КАРТОФЕЛЬНЫЕ БУНТЫ» (1842) ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА

В истории крестьянского движения Урала особняком стоят факты о так называемых «картофельных бунтах». Поводом к их возникновению были, как выясняется, не только принуждения садить экзотическую для Урала культуру — картофель, хотя одним из пунктов недовольства крестьяне высказывали и этот.

Во все времена, а особенно в тяжелые, нестабильные периоды истории¹, важную в плане социальной стимуляции роль играли слухи — информация, передаваемая по неформальным каналам сообщения.

В жизни российской деревни периода позднего феодализма значение слухов было особенно велико, поскольку они компенсировали несовершенство коммуникационных сетей и поставляли крестьянским мирам информацию о «горячих» событиях внутренней и внешне-политической жизни страны, о перипетиях политической борьбы при дворе, о повседневной жизни соседних уездов, селений и просто соседей.

Слухи были тесно связаны с социальной практикой, нередко сопровождали и стимулировали социальные конфликты. Не исключение в этом плане и так называемые «картофельные бунты» — мощные волнения государственных крестьян Урала и Зауралья 1841—1843 гг., вспыхнувшие как ответ крестьян на проведение реформы государственной деревни. Наиболее острые выступления произошли в Шадринском, Камышловском, Ирбитском уездах Пермской губернии, Челябинском уезде Оренбургской губернии, Карганском округе Тобольской губернии, Вятском, Глазовском, Нолинском, Слободском уездах Вятской губернии.² Но протест захвата и селения государственных крестьян Екатеринбургского уезда; события в последнем, между тем, не нашли отражения в исторической и краеведческой литературе.

Реформа 1837—1841 г.г. в государственной деревне осно-

вательно изучена в литературе. Показан ее противоречивый характер: с одной стороны, реформа расширяла возможности развития новых капиталистических отношений; с другой стороны, проводилась крепостническими методами. В рамках реформы П. Д. Киселева была осуществлена реорганизация системы управления государственной деревни: ослаблена роль мирского схода; ослаблена зависимость выборных должностных лиц от общины (мирские начальники получали казенное обмундирование, достаточно высокое жалование, для выплаты которого были увеличены сборы с крестьян). Как справедливо отмечает Н. А. Миненко, «реформа П. Д. Киселева существенно ограничивала крестьянское самоуправление; по общинной демократии наносился удар огромной силы».³ Естественно, все это не могло не вызвать недовольства крестьян. Новации, которыми сопровождалось проведение реформы, а именно — повсеместная организация хлебозапасных магазинов и принудительное разведение картофеля — вызывали недоумение и неприятие со стороны крестьянства.

Мероприятия, связанные с реформой, не были понятны крестьянам и казались им подозрительными. В общем, создалась ситуация, благоприятная для возникновения слухов (современная психология считает, что «идеальной почвой для возникновения слухов являются события, которые могут восприниматься общественным мнением как представляющие угрозу для безопасности людей (угроза безработицы, повышения цен, «слухи о войне...»); далее психологи подчеркивают, что «для возникновения слухов необходимо, чтобы данное событие было достаточно важным и происходило в каком-то беспокойном контексте, чтобы оно было неясным и недоступным для проверки».⁴

На территории Екатеринбургского уезда слухи проникли в Логиновскую и Маминскую волости (апрель), а также в Глинскую волость (июль 1842 г.). Именно в селениях указанных волостей начались волнения и брожение, охватившие свыше 3-х тысяч государственных крестьян на территории более чем 90 верст в окружности.⁵

Крестьяне пересказывали «повость» о существовании «бумаги», по которой они якобы «поступают в удел и к какому-то еще господину». В подтверждение слуха крестьяне указывали на новые печати — «без царского герба или короны», а

также на форменные кафтаны волостных и сельских начальников и писарей — «на манер помещичьих крестьян, что с складсками, и удельных, что с бразументами (позументами— И. П.). «Все нынешнее их новое управление, — говорили государственные крестьяне, — походит на удельное: головам, старшинам и смотрителям магазинов положено жалованье, чего прежде у них не было; и этим жалованьем возвысился с них сбор денег, что им отягательно». Крестьяне высказывали желание, чтобы мирские начальники служили без жалованья — «так как было прежде».⁶ Селяне хорошо знали, что положение удельных (крестьяне царской фамилии), а тем более помещичьих крестьян более отягчительно по сравнению с казенными крестьянами, поэтому слухи о передаче их в частное владение вызвали острое возмущение.

Слухи проникали в Екатеринбургский уезд со стороны соседнего Камышловского уезда, где волнения начались ранее. 18 апреля екатеринбургский земский исправник узнал о волнениях в с. Белсыки Камышловского уезда, находившемся в непосредственной близости к Екатеринбургскому уезду.⁷

Вскоре государственные крестьяне с. Бруснятского Логиновской волости Екатеринбургского уезда стали говорить, что они «поступают в удельное ведомство и к Верх-Исетскому господину (отставному гвардии корнету Яковлеву)».⁸ Вечером 20 апреля в с. Бруснятское к родственникам Агафону и Василию Брусницыным приехал крестьянин Камышловского уезда (дер. Барабы Грязновского сельского общества Клевакинской волости) Николай Иванов Белоглазов. Последний сообщил жителям с. Бруснятского, что «будто бы у них в сельском управлении есть подобное постановление, как в Камышловском уезде, под предлогом фальшивого приговора, о желании якобы обществом в удельные или помещичьи крестьяне». Около часа ночи в Бруснятском собралось до 100 человек крестьян, которые призвали в сельское управление писаря Буркова и потребовали найти в письменных делах «фальшивый приговор» о передаче «общества» «господину». Бурков не обнаружил «приговор». Но крестьяне под руководством Терентия Брусницына и Николая Белоглазова продолжали — «с величайшим озартом» — требовать «книгу красную в золотом образе, — где должен быть записан фальшивый приговор» «о причислении в удельные или помещичьи крестьяне». При этом Т. Брусницын писаря Буркова «рвал за

ворот и, схватя за волосы, и некоторое число вырвал оных». Наконец, крестьяне решились сами пересмотреть письменные дела (Н. Белоглазов знал грамоту), но найти ничего не удалось.

На следующий день в с. Бруснятское прибыл волостной голова, который нашел там крестьянское собрание в 200 уже человек. Крестьяне спрашивали сельских начальников, действительно ли они все переданы в удел какому-то господину. Подвергнут допросу был и волостной голова. Чтобы как-то остудить крестьян, мирское руководство пригласило в сельское управление священника, который отслужил молебен и вместе с головой и прочими начальниками принялся увещевать бунтовщиков. Крестьяне, постепенно успокоясь, вышли из управления.

22 апреля, однако, к сельскому управлению вновь собрались крестьяне — уже до 300 человек. В селение прибыли екатеринбургский земский исправник Штам, управляющий Екатеринбургским округом Марков и помощник последнего Александровский. Крестьяне повторяли прежние мысли о передаче якобы их в удельное ведомство. Чиновники уверяли, со своей стороны, что слухи, которые циркулируют в крестьянской среде, несправедливы, разъясняли сельским обывателям проект учреждения о управлении государственными имуществами. В конце концов, крестьяне объявили, что «за царя готовы головы свои положить, как за Высокого своего покровителя, а к помещикам и в удел поступать не согласны». Таким образом, какие-то сомнения в головах крестьян сохранились — они «уверились» в полезности новой системы управления (по крайней мере, так считал окружной начальник), но все же просили не передавать их господину.⁹

23 апреля чиновники снова увещевали крестьян с. Бруснятского, причем поставили последних на колени, потребовали заявления о полном повиновении законным властям и «записали» тех, кто «повиновался». Вскоре крестьяне использовали факт «увещевания» как новый повод к волнениям. Находившаяся в услужении у священника «женка» Матрена Брусница начала распространять слухи, «что действительно 23 апреля в доме священника земский исправник и другие чиновники записывали их в удел и к какому-то господину, и что чиновники сии были довольны тем, что крестьян обманули».¹⁰ Крестьяне вновь заволновались и отпра-

вли в с. Грязнуху Камышловского уезда Герасима Брусницына разведать, как там обстоят дела и насколько оправданы крестьянские опасения на счет поступления Бруснятского общества в «удел».

Вернувшись обратно, Г. Брусницын подтвердил, что «точно есть в селе Грязнухе бумага о поступлении крестьян в удел, и что все убеждение чиновников есть только один обман». Крестьяне, чтобы рассеять свои подозрения, отправили к главному горному начальнику в Екатеринбург посланника Василия Жаровлева с тем, чтобы последний привез на гербовом 42-рублевом листе бумагу, «что они точно в удел и к господину не поступают».¹¹

В начале 20-х чисел апреля крестьяне с. Кисловского Маминской волости узнали о «разном шумстве с нарушением тишины и спокойствия» в с. Клевакинском Камышловского уезда, об отдаче крестьян «в удельные и какому-то господину». Известия вызвали брожение среди крестьян, которые собрались к сельскому управлению, требовали у сельского старшины и писаря указ или бумагу о поступлении их якобы в удел: пересмотрели под руководством грамотного крестьянина Якова Заставкина все дела в сельском управлении, но искомого «указа» так и не нашли. Крестьяне сделали заключение, что «может это делается тайно и без воли государя».

В справедливости слухов крестьян убеждал сельский староста Александр Емельянов сын Зырянов, произносивший в сельском управлении, что «начальство продало их живых на ногах в удел, и чиновники, разъезжающие по селениям, хотя и уговаривают не бунтовать, но только обманывают».¹²

Воинственные настроения сохранялись в с. Кисловском до конца апреля, когда крестьяне заявляли прибывшим уездным чиновникам: «Ежели у нас еще ныне будут сажать картофель, то с волостными и сельскими начальниками поступлено будет так же, как и в Камышловском уезде».¹³

В Покровском и Храмцовском сельских обществах также имели место волнения. Крестьяне недоумевали по поводу слуха о передаче их якобы в удельное ведомство — «как это могло случиться без всякого предварительного царского повеления». 29 апреля крестьяне дер. Темной Покровского сельского общества приняли решение на общей сходке идти в сельское управление для поиска указа «о записке их в удел и к какому-то господину». Возглавляли крестьян мирские на-

чальники — сотский Петр Казанцов и десятский Савелий Антонов сын Степанов. По какой-то причине, однако, крестьяне не исполнили своего намерения.

Крестьяне с. Покровского, так же как и кисловские крестьяне, решительно заявили земскому исправнику и управляющему округом о своей готовности расправиться с волостными и сельскими начальниками.¹⁴

Тревожные слухи циркулировали и среди крестьян с. Логиновского. В апреле — на Фоминой неделе — солдатская жена Пелагея Поскочинова бегала по улице и произносила: «Не поддавайтесь, старики; крестьяне поступают все в удел, куда волостные и сельские начальники их продали». Крестьянин Спиридон Сысоев приходил к однодеревенцу Егору Карамышеву и говорил, что тот молод и дети его молоды, что они глядят, «когда поступили в удел за господина и с Петрова дни погонят нас в курень рубить дрова, он же стар, на него немного падет». Брату Егора Матвею Сысоев говорил, «что печать в волостном правлении прикладывается господская, без царской короны, почему и не надобно поддаваться».

Крестьяне были настроены довольно решительно и в качестве образца для подражания неоднократно ссылались на пример соседей из Камышловского уезда. Так, крестьянин Василий Федотов сын Стенин заявлял, что «государственные крестьяне поступают в удел, почему и нам надобно так же делать, как в Камышловском уезде поступают с волостными и сельскими начальниками; сперва надобно взяться за чернаго жука, но за какого не пояснил (очевидно имелся в виду волостной голова — И. П.)».

Крестьянин дер. Чернобровкиной и того же с. Логиновского Герасим Антонов сын Белоусов заявлял: «в Камышловском уезде крестьяне бунтуют, то и он Герасим, хочет туда послать сына своего Василья воевать, для чего ребята и копыа куют; грамотных же волостных начальников, писарей и крестьянина Илью Долганова надобно истребить».

В распространении слухов и обсуждении планов борьбы активно участвовали и крестьянки. Жена В. Ф. Стенина — Матрена Павлова — «неизвестно с чего» — рассказывала другим «женкам», что «муж ея — Василей, был в селе Кайском Камышловского уезда, узнал, что крестьяне сделали бунт: священников, волостных и сельских начальников были — и у нас будет, потому что волостные начальники и

крестьяне Илья Долганов и Егор Волков продали крестьян в удел за господина, от коего и жалованья получают по 300 рублей».

Одна из слушавших — Анна Колесникова — на это говорила, что «крестьяне Дмитрий и Гаврило Поскочиновы дадут весть по всем участкам, чтоб крестьяне съезжались в село Логиновское для отыскания дел в сельском управлении и у крестьянина Ильи Долганова о передаче их в удельные».

Крестьяне заявляли, что они «пойдут воевать, а сюда пришлют казаков». Но до войны в с. Логиновском все же не дошло. Протест не вышел за рамки брожения.¹⁵

В конце апреля среди крестьян Логиновской и Маминской волостей по-прежнему распространялись слухи о передаче их в удельное ведомство или к «господину»; крестьяне проявляли недоверие к волостным и сельским начальникам. По наблюдениям окружного начальника сохранялся даже «дух к возмущению».¹⁶ Дабы пресечь распространение слухов и прекратить волнения крестьян, пермский губернатор отправил на границу Камышловского уезда 50 казаков из башкирского войска.

В качестве наказания в селения, охваченные протестом, были направлены военнослужащие Пермского внутреннего гарнизонного батальона.¹⁷ В начале мая 1842 г. екатеринбургский окружной начальник уже доносил управляющему Пермской палатой государственных имуществ, что в селениях Логиновской и Маминской волостей законопротивные толки почти прекратились и крестьяне состоят в повиновении.¹⁸ А 10 мая екатеринбургский земский исправник доносил проезжавшему через Екатеринбург гражданскому губернатору, что крестьяне «из заблуждения выведены» и «находятся в должном повиновении».¹⁹

Но в июле в Екатеринбургском уезде было вновь замечено брожение — запоздалое эхо на апрельские события. На этот раз слухи проникли в Глинскую волость. Крестьяне дер. Арамашки, Жуковой, с. Леневого делали самовольные сборища и толковали о поступлении государственных крестьян в удельные.²⁰

В Петров пост — после молебствия на поле о бездождии — старик-крестьянин Леневого сельского общества Роман Ермолаев сын Малыгина «неизвестного с чего» начал говорить: «Вот нонче носят старшины кафтаны с прозументами,

а мы прежде не носили их, посмотрим, что с этого будет — не слетят ли с них эти прозументы... Видит, что в Камышлове трясется... Что нередко — как обслуживают сельские чиновники, то их в чижевку (камера заключения — И. П.) и сажают».²¹

Жители дер. Арамашки и Жуковой заявляли глинскому сельскому старшине И. С. Шушкову, который прибыл для увещевания: «Для чего заставляют сеять картофель; для чего хлеб збирать 12 пудов; почему пишут в билетах — отдельного сельского общества; почему в оных же билетах пишете у крестьян одних — казенный крестьянин, а других — государственный?».²³

Слухи были смутными, отрывочными — поэтому после «растолкований» крестьяне успокаивались. Брожение в Глинской волости не достигло даже того размаха, который имел место в Логиновской и Маминской волостях.

Итак, в 1842 г. в Екатеринбургском уезде, как и в соседних с ним уездах, получили распространение слухи о передаче крестьян в удельное ведомство или помещику, и вспыхнули волнения. Поводы для крестьянских сомнений и беспокойств также напоминали поводы протеста в Камышловском, Шадринском и др. уездах. Это жалованье для сельских начальников, кафтаны с «прозументами», новые печати, а также различное наименование государственных крестьян в отпускных билетах; кроме того — принудительный посев картофеля и сбор зерна в хлебозапасные магазины. Примечательно то, что слух о передаче крестьян в удел в Екатеринбургском уезде приобретал иногда более конкретную форму возврата к заводским отработкам, которые когда-то выполняли бывшие приписные крестьяне. В целом, протест в Екатеринбургском уезде не достиг размаха выступлений крестьян Камышловского и Шадринского уезда. Крестьяне ограничились разбором дел в ряде сельских управлений (с. Кисловское, Бруснятское); в прочих селениях протест завершился толками и пересудами.

1. Например, см.: Москва военная. 1941 год... (Новые источники из секретных архивных фондов) // История СССР. 1991. № 6. с. 101—122.

2. См.: ДРУЖИНИН Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1958. т. 2; БОЧАРНИКОВА В. И. Массовое движение государственных крестьян Западной Сибири в 20—40-е годы XIX в. и проект реформы П. Д. Киселева: Автореф. дис., канд. ист. наук. М., 1954; МАМСИК Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. с. 153—178.

3. МИНЕНКО Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. с 56.
4. РОБЕР М. А. — ТИЛЬМАН Ф. Психология индивида и группы. М., 1988. с. 173.
5. Государственный архив Свердловской области (в дальнейшем — ГАСО), ф. 477, оп. 1, д. 2, л. 4, об., 171.
6. Там же. л. 158. об. — 159.
7. Там же. л. 150 — 150 об.
8. Там же. л. 3 об.
9. Там же. л. 14 об. — 15 об., 37—40, 68—69.
10. Там же. Л. 8—9 об., 143 об.
11. Там же. Л. 10—11.
12. Там же. л. 84—84 об., 158—158 об.
13. Там же. л. 53.
14. Там же. л. 12 об. — 13, 158 об.
15. Там же. д. 4, л. 1 об. — 2, 6, 12, 25, 27 об. — 28, 39 об., 57 об. — 58, 91 об. — 92 об.; д. 2, л. 62—63.
16. Там же. д. 2, л. 58.
17. Там же. л. 14.
18. Там же. л. 54—54 об.
19. Там же. Л. 15 об. — 16.
20. Там же. д. 3, 6.
21. Там же. Д. 3, л. 16 об. — 17.
22. Там же. Д. 6, л. 85.
23. Там же. Л. 140.